

УДК 316.4

DOI: 10.34670/AR.2023.73.61.007

Миф и мифотворчество в условиях социальных трансформаций

Шинтарь Татьяна Анатольевна

Аспирант,
Смоленский государственный университет,
214000, Российская Федерация, Смоленск, ул. Пржевальского, 4;
e-mail: tatyana@shintar.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена мифа, мифотворчества и мифотерапии в условиях постоянных трансформаций. Мифотерапию автор рассматривает как неотъемлемый элемент сегодняшней социальной реальности. Потенциал мифотерапии реализуется в ходе преодоления последствий социокультурной травмы, возникающей в периоды политических, социально-экономических кризисов. Теоретическую основу исследования составили структуралистское, символическое, семиотическое, феноменологическое и психоаналитическое направления социальной мифологии. В исследовании автор опирался на определение травмы П. Штомпки, модель травмы Дж. Александера, концепцию «здорового общества» Э. Фромма, адаптацию архаических мифов К. Юнга, анализ мифотерапии как социального явления А.И. Бродского. Методологическую основу исследования составили междисциплинарный и диалектический подходы. Междисциплинарный подход объединил данные из разных областей социально-гуманитарного знания (социологии, психологии, истории, фольклористики, антропологии) и обеспечил целостность восприятия философского осмысления этого явления. Диалектический подход позволил выявить взаимосвязь возникновения и функционирования социального мифа и мифотерапии в условиях социальных трансформаций. В качестве вариантов преодоления социальных травм рассматриваются идеологические мифы и создание муралов. В результате исследования роли архаической мифологии и мифологических образов современной массовой культуры представлены специфические способы преодоления социально-психологических последствий.

Для цитирования в научных исследованиях

Шинтарь Т.А. Миф и мифотворчество в условиях социальных трансформаций // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 5А-6А. С. 150-157. DOI: 10.34670/AR.2023.73.61.007

Ключевые слова

Миф, мифотерапия, мифотворчество, мифология, общество травмы, социокультурная травма, социальный миф, социальная мифология, стрит-арт.

Введение

Миф с древних времен служил объяснением природных и социальных событий. Он был необходим для познания окружающего мира, компенсации отсутствия объективного знания и наличия логических лакун. Мифы являлись способом восприятия мира, трактовки существующей действительности и познания в нем самого человека. В архаических мифах отражались основные элементы мировоззрения: в космологических – происхождение мира, в антропологических – человека, в эсхатологических – прогнозы о будущем и конце всего сущего, в календарных – соблюдение ритуалов с целью обеспечить смену времен года, в героических – путь и подвиги неординарного персонажа (человека, бога, полубога, антропоморфного зверя) и пр.

Основная часть

На основе архаических мифов Гесиод создавал художественные произведения, обращаясь к мифу и как к «наставнику», и как к «носителю древнего знания», и как к «проявителю истины». Позднее появилась необходимость в поддержке определенной идеологии. Уже Платон обращал внимание на роль мифа в создании идеального государства, в котором у каждого класса было бы свое воспитание и цели в жизни, объединенные стремлением к общему благу [Тахо-Годи, 1979, 63]. Сегодня представления о мифах базируются на убеждениях и вере, предписанных культурной традицией, идеологической или религиозной системой. Дж. Кэмпбелл писал, что архаические сюжеты были переработаны и на примере Китая показывал насколько сильно: «Моральные постулаты конфуцианства почти полностью лишили древние мифологические образы их изначального величия; а сегодняшняя официальная мифология представляет собой собрание историй о сыновьях и дочерях провинциальных чиновников, которые за то или иное услужение своей общине были возвышены почти до божественного состояния в глазах своих благодарных подопечных» [Кэмпбелл, 2018, 201].

Современные социальные мифы проявляются в идеологии, рекламе, СМИ, искусстве и рассматриваются как существенный элемент современной духовной жизни. Они становятся объяснением реалий социальной жизни и изучаются социально-гуманитарными науками. В исследовании социальной мифологии можно выделить следующие направления: структуралистское (К. Леви-Стросс, Р. Барт и др.), символическое (Э. Кассирер, С. Лангер и др.), семиотическое (Р. Барт, Ж. Бодрийяр и др.), феноменологическое (А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи и др.) и психоаналитическое (Д. Кэмпбелл, М. Элиаде, Д. Холлис и др.). Некоторых ученых (среди которых Р. Барт, А.Ф. Лосев) сложно ограничить каким-либо единственным направлением. Дефиниция социального мифа меняется в зависимости от научной школы.

По структуралистской теории мифа, разработанной К. Леви-Строссом, миф рассматривается как лингвистический объект и является логическим инструментом для разрешения противоречий между человеком и миром с собственной специфической логикой.

Э. Кассирер рассматривал специфику мифа в форме мысли, форме созерцания и форме жизни. Он оценил интуитивное эмоциональное начало и проанализировал его в качестве инструмента упорядочения и познания мира.

Р. Барт понимал миф как семиотическую систему, в которой раскрывается взаимосвязь между словом, означаемым и означающим. Миф интенционален, направлен на объект и может являться всем, на чем акцентируется человеческое восприятие. В концепции Р. Барта миф

является неотъемлемой частью идеологии, потому что объективная реальность настолько плотно окутана мифологической, что отделить одну от другой достаточно сложно.

В феноменологическом направлении А.Ф. Лосев рассматривал миф как синтез идей, заложенных в предметах, миф может быть иррациональным и противоречивым. Миф для человека становится объяснением окружающего его пространства. Категория мифа в представлении А.Ф. Лосева – это синтез четырех понятий: слова, личности, истории, необъяснимого чуда.

М. Элиаде в психоаналитической концепции рассматривал миф в качестве способа разрешения противоречий и своеобразного регулятора социальной жизни, создающего правила поведения.

Подобное описание роли мифа близко явлению, названное А.И. Бродским мифотерапией. Под ней исследователь понимает дескрипцию, интерпретируемую как прескрипцию [Бродский, 2021, 208], направленную на восстановление коллективного психологического здоровья путем устранения социальных обстоятельств и поиска способа репрезентации травмы.

В настоящей статье предлагается рассмотреть миф и мифотворчество с учетом вышеприведенных теорий, необходимых для понимания такого неординарного и непрекращающегося процесса, потому что с точки зрения Р. Барта человек занимался мифотворчеством на протяжении всей истории.

Способность человека к мифотворчеству и постоянное его использование, приводит к мысли о сходстве данного явления с психотерапией, сказкотерапией. Адаптация архаических мифов в психотерапии и психологии известна с трудов З. Фрейда и К. Юнга. Даже наименования некоторых понятий вошли в науку из архаических мифов, которые занимали особое место в спектре юнговской мысли. В дальнейшем мифологические реминисценции можно обнаружить практически в любой его работе. И до сих пор, разработки К. Юнга постоянно дополняются, в психотерапии и психологии совершенствуются методы мифодрамы, мифотерапии и сказкотерапии, направленные на улучшение состояния и преодоления психологической травмы конкретного человека. Если для клиента психотерапевта или психолога работа с мифами осознаваема, то для общества в целом – нет. При этом архаические мифы остались и в виде олитературенных рассказов и трансформировались в социальные, сохранив одну из своих функций – установление определенных норм поведения.

Социальные мифы, сконструированы искусственно и направлены на побуждение действий людей в определенном направлении, в том числе и для преодоления социокультурной травмы. Само понятие пришло в социальную философию из психоанализа и получило описание в трудах Ж. Лакана, М. Бертрона, П. Штомпки, Р. Айермана, Дж. Александера, К. Карут, М. Бирна и др. П. Штомпка, который ввел понятие «социальной травмы», писал о том, что травма, это «какое-то значительное событие (воспоминание о подобном важном событии прошлого), которое бьет по самым основам культуры, точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости и т.д.» [Штомпка, 2001, 8].

Р. Айерман считает, что: «индивидуальную и коллективную социальную травму объединяет то, что обе возникают в результате шока... Индивидуальная и коллективная травмы могут рассматриваться как усиливающие одна другую, обостряющие шок и чувство потери» [Айерман, 2013, 123]. Эти виды нарушения могут усиливать друг друга. Глубина обоих видов травм зависит от ее восприятия. С начала XX-го в., изучение индивидуальных и коллективных травм стало отдельной отраслью исследований. Понятие травмы, введенное Штомпкой, стало

одной из характеристик социальных трансформаций, происходивших в обществе.

Отдельно от социальной травмы можно рассмотреть социокультурную. П. Штомпка пишет о разной восприимчивости культурных травм. Есть группы, которые наиболее пострадали от происходящих событий, а есть те, для которых они мало чувствительны. Влияние потенциально травматических событий может вызывать совершенно разные реакции. Например, августовский путч 1991 г. мог вызвать одновременно реакции страха, надежды и равнодушия. Страх у тех, кто привык к «старой» жизни, надежды – кто ждал «новую»; равнодушие у тех, кто считал себя и аполитичным, и кто находился в далеких от Москвы регионах СССР. Потенциально травматические события становятся травмой только из-за определенных интерпретаций: объяснения, оправдания, сокрытия. Как считает К. Карут: «правда всегда говорит о психологических ранах, обращается к нам в попытке поведать о правде, которая иначе для нас недоступна» [Caruth, 1991, 185].

Дж. Александер выделяет две модели травмы: просвещенческую и психоаналитическую [Александер, 2014, 15]. Просвещенческой травмой является рациональный ответ на хорошо осознаваемые трагические события и последствием станет попытка предотвращения повторений. Психоаналитическая модель исходит из идеи спонтанной реакции на травмирующие события, которые воспринимаются в искаженном виде. Преодолеть такую травму, с точки зрения Дж. Александера, возможно только с помощью изучения культуры и создания произведений искусства (литература, музыка, живопись и пр.) Все это становится массовым аналогом психотерапии. В индивидуальной психотерапии среди множества направлений используется арт-терапия, основанная на идеях К. Юнга, в процессе которой клиент выражает неосознаваемые психические процессы через художественную деятельность. Среди целей, которые ставит арт-терапия, можно выделить возможность социально-приемлемого проявления агрессии, проработку подавленных чувств и мыслей, развитие творческих способностей. Среди функций арт-терапии можно отметить адаптивную и коммуникативную. Адаптивная помогает снять тревогу, а коммуникативная передает информацию о моральных ценностях.

И психологи, и философы, начиная с З. Фрейда и Э. Фромма, считали, что все психопатологии человека связаны с событиями социального характера. Э. Фромм рассматривал «больное общество» [Фромм, 2011, 14] и патологию нормальности, исходя из определения здорового общества, такого, где в людях развиваются их душевные и духовные качества, творческие наклонности, благодаря которым лучше ощущается окружающий мир, а собственная жизнь наполняется ежедневным смыслом. В труде «Здоровое общество» Э. Фромм приводит рекомендации по созданию такого общественного устройства. Это обязательные гарантии от государства для ощущения социальной безопасности, запрет на рекламу, обучение взрослых, создание на рабочих местах организованных занятий для проведения свободного времени, пропаганда уважения к труду. С точки зрения Э. Фромма, стремление к творчеству и улучшению качества жизни заложены в любом человеке. Идея о здоровом обществе продолжает мысль З. Фрейда о либидо в широком понимании этого термина – как стремление к жизни, созиданию и гармонии. Понятие о психопатологии общества базируется на деструктивном стремлении к самоуничтожению, впервые упомянутом С. Шпильрейн: «В сущности инстинкта бытия лежит разрушение: старое должно быть разрушено, чтобы возникло новое» [Шпильрейн, 2008, 188]. Настойчивое желание смерти было названо инстинктом самоуничтожения и позже обозначено как мортидо. Исследования стремлений к саморазрушению и гармонии используется не только психологами и психотерапевтами. Преодоление травмы является одной

из форм социального опыта. Само понятие социального после упоминания Э. Дюркгеймом в качестве совокупности традиций, идей, нравственных убеждений, религиозных верований, обычаев, коллективных мнений, выражающих социальную группу, которой принадлежит человек, включало в себя широкий спектр социальных практик, социальных отношений и действий, социальных сил и влияний и пр. Во второй половине XX в. в рамках продолжающейся социальной трансформации произошло преобразование базовых форм социальности в семиологическую систему, которая проявляется в процессе коммуникации, в безличностных отношениях и в повседневной практике.

С.Б. Токарева отмечала, что в обществе может присутствовать деструкция социального. Исследователь считает, что: «Стратегии сопротивления могут быть традиционными, исходящими от организованных социальных групп, использующих приемы искажения, подмены и выхолащивания смысла социальных практик с целью использования их не для блага общества, а для достижения узких групповых целей» [Токарева, 2010, 25]. Известны прецеденты, когда действия крупных социальных институтов, которые предпринимались изначально для объединения народа, демонстрации благополучия, трансформируясь, приобретали иную коннотацию.

В качестве примера объединения общества и трансформации календарного архаического мифа приведем создание Нового года в СССР в 1935 г. Как отмечала Е.В. Душечкина, это, по мнению советских идеологов могло «послужить укреплению победившего режима, возвращая людям привычные радости жизни» [Душечкина, 2002, 136]. Жители страны, еще помнившие о Рождестве и рождественской елке, стали активно поддерживать нововведение, адаптируя свой предыдущий опыт. Литературовед В.С. Баевский, которому в 1935 г. было шесть лет, вспоминал, что его мать обрадовалась возрождению праздника и сразу стала делать игрушки для украшения. В детских садах воспитательницы тоже мастерили поделки, как и в своем детстве, а рождественские истории адаптировали под новогодние. Новый праздник должен был сплотить общество и органично дать понять подрастающему поколению, что о нем заботится кто-то особенный. Тот, кого обычно увидеть нельзя, кто обладает сверхъестественной силой и владеет всеми благами. Все, что в христианском обществе приписывалось богу, «передавалось» Деду Морозу – как своеобразному представителю государства. Образ Деда Мороза базировался на нескольких персонажах славянской мифологии и литературных произведений, а Снегурочки, как отмечает С.Б. Адоньева: «...нет и в общеславянской обрядовой традиции» [Адоньева, 1999, 175]. Эта пара костюмированных персонажей дополняли друг друга и олицетворяли власть – суровую и ласковую одновременно. Их действия должны были выработать у детей социальную привычку и создать новые обряды, ритуалы и обычаи. Например, чтение стихов ребенка Деду Мороза – готовность проявления себя как достойного члена общества. Истоки этого идут от ритуала задабривания духов. Например, домовым было принято на ночь оставлять молоко, или самую вкусную оставшуюся еду после ужина. Просьбы домовому сопровождалась ритуальными присказками. Сейчас дети взаимодействуют с ряженым в образе Деда Мороза так: «ему – заученный стих, мне – подарок». В первые десятилетия введения праздника в СССР, ребенок кроме рифмованных четверостиший, выучивал еще и согласованные со взрослыми заметки о революциях и жизни рабочих в других странах, тем самым еще сильнее закрепляя гражданские навыки. Этот миф на протяжении практически 90 лет выполняет терапевтическую функцию, потому что во время подготовки к Новому году и праздничной ночи с 31 декабря на 1 января многие взрослые люди испытывают ощущение счастья и возможности легко улучшить свою жизнь. Тщательно спланированный идеологический праздник для формирования

лояльности государству и основанный на переосмыслении прежних практик, стал действительно народным и ежегодно на пару месяцев выполняет терапевтическую функцию.

Пример празднования Нового года можно соотнести с приемом рефрейминга в нейролингвистическом программировании, когда человек переосмысляет произошедшие события. На переосмысление истории, социальных травм могут влиять и идеологические муралы, которые можно рассматривать как своеобразный аналог арт-терапии. Муралы являются видом стрит-арта, направление, которое в традиционном понимании лишено санкционированности и коммерции. Его создатели используют городскую среду для реализации своих художественных планов. Как правило, эти работы остро социальны и выражают мироощущение автора. Если стрит-арт характеризуется стихийностью и индивидуальностью, то муралы часто согласовываются с властями и несут идеологический смысл. Например, по постановлению правительства Москвы с 2019 г. вся художественная роспись городских объектов, должна соответствовать определенным тематикам: историческим событиям и личностям, науке, спорту, искусству и быть утвержденной в мэрии. С помощью идеологических муралов каждый житель и гость Москвы может ознакомиться с представлениями об истории России. В муралах, как и в арт-терапии, используются архаические мифы, с которыми работают психологи, психотерапевты, арт-терапевты. Создание муралов может рассматриваться как один из элементов мифотерапии.

Заключение

Мифотерапию можно считать одним из инструментов коррекции социально-психологического состояния общества формирования представления определенной модели мира, которая воспроизводится как на уровне общественного сознания, так и на уровне социальных практик. Именно поэтому мифотерапия особо ярко проявляется в кризисные и переломные эпохи, помогая преодолеть их с разной степенью успешности. В отличие от таких психологических методов работы, как сказкотерапия или мифодрама, объектом социальной мифотерапии являются не отдельные личности, а социальные общности и общество в целом. Мифотерапия как социальное явление не индивидуальна, она направлена на долговременную ремиссию социального субъекта и не осознается им. Можно полагать, что, моделируя в социальной реальности те или иные аспекты жизни и деятельности общества и помогая личности адаптироваться к меняющимся условиям, миф оказывает терапевтическое воздействие на их отношение к реальности, взаимодействия между людьми и социальную деятельность в целом.

Библиография

1. Адоньева С.Б. История формирования современной новогодней традиции // Мифология и повседневность. 1999. С. 168-193.
2. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138.
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: Праксис, 2014. 640 с.
4. Бродский А.И. Мифотерапия. Заметки по коллективной травматологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 2. С. 208-216.
5. Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 376 с.
6. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: ПИТЕР, 2018. 352 с.
7. Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М., 1979. С. 58-82.
8. Токарева С.Б. Концептуальный смысл понятия «социальное» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2010. № 1 (11). С. 20-26.

9. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2011. 300 с.
10. Шпильрейн С.Н. Психоаналитические труды. Ижевск: ERGO, 2008. 466 с.
11. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.
12. Caruth S. Unclaimed Experience: Trauma and the Possibility of History // Yale French Studies. Literature and the Ethical Question. 1991. No. 79. P. 181-192.

Myth and myth creation in the context of social transformations

Tat'yana A. Shintar'

Postgraduate,
Smolensk State University,
214000, 4, Przheval'skogo str., Smolensk, Russian Federation;
e-mail: tatyana@shintar.ru

Abstract

This article talks about the analysis of such phenomena as myth, myth creation and myth therapy in the context of social transformations. Myth therapy is a mandatory element of modern social life. The possibilities of myth therapy are realized during overcoming the consequences of socio-cultural trauma that occurs during periods of political, socio-economic crises. The theoretical basis of the research was the structuralist, symbolic, semiotic, phenomenological and psychoanalytic directions of social mythology. In the study, the author relied on the definition of trauma by P. Shtompka, the trauma model by J. Alexander, the concept of a "healthy society" by E. Fromm, the adaptation of archaic myths by K. Jung, the analysis of myth therapy as a social phenomenon by A.I. Brodsky. The methodological basis of the study was interdisciplinary and dialectical approaches. The interdisciplinary approach combined data from different fields of social and humanitarian knowledge (sociology, psychology, history, folklore studies, anthropology) and ensured the integrity of the perception of philosophical understanding of this phenomenon. The dialectical approach made it possible to identify the relationship between the emergence and functioning of social myth and myth therapy in the context of social transformations. Ideological myths and the creation of murals are considered as options for overcoming social traumas. As a result of the study of the role of mythology and mythological images of modern mass culture, specific ways of overcoming socio-psychological consequences are presented.

For citation

Shintar' T.A. (2023) Mif i mifotvorchestvo v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii [Myth and myth creation in the context of social transformations]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (5A-6A), pp. 150-157. DOI: 10.34670/AR.2023.73.61.007

Keywords

Myth, myth therapy, myth creation, mythology, trauma society, socio-cultural trauma, social myth, social mythology, street art.

References

1. Adon'eva S.B. (1999) Istoriya formirovaniya sovremennoi novogodnei traditsii [The history of the formation of the modern New Year tradition]. In: *Mifologiya i povsednevnost'* [Mythology and everyday life].

2. Aierman R. (2013) Sotsial'naya teoriya i travma [Social theory and trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 12, 1, pp. 121-138.
3. Alexander J. (2014) *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praxis Publ.
4. Brodskii A.I. (2021) Mifoterapiya. Zametki po kollektivnoi travmatologii [Mythotherapy. Notes on collective traumatology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology], 37, 2, pp. 208-216.
5. Campbell J. (2018) *Tysyacheliki geroi* [The Hero with a Thousand Faces]. St. Petersburg: PITER Publ.
6. Caruth C. (1991) Unclaimed Experience: Trauma and the Possibility of History. *Yale French Studies. Literature and the Ethical Question*, 79, pp. 181-192.
7. Dushechkina E.V. (2002) *Russkaya elka: Istoriya, mifologiya, literatura* [Russian tree: history, mythology, literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
8. Fromm E. (2011) *Zdorovoe obshchestvo* [The Sane Society]. Moscow: AST Publ.
9. Shpilrein S.N. (2008) *Psikhoanaliticheskie trudy* [Psychoanalytic works]. Izhevsk: ERGO Publ.
10. Sztompka P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social change as a trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1, pp. 6-16.
11. Takho-Godi A.A. (1979) Mif u Platona kak deistvitel'noe i voobrazhaemoe [Plato's myth in as real and imaginary]. In: *Platon i ego epokha. K 2400-letiyu so dnya rozhdeniya* [Plato and his era. To the 2400th anniversary of his birth]. Moscow.
12. Tokareva S.B. (2010) Kontseptual'nyi smysl ponyatiya «sotsial'noe» [The conceptual meaning of the concept of "social"]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 7, Philosophy], 1 (11), pp. 20-26.